

о. Игорь Ковалевский

**Генеральный секретарь Конференции католических епископов России
Администратор прихода святых Петра и Павла в Москве
Член Совета по взаимодействию с религиозными объединениями
при Президенте Российской Федерации**

ГЕРМЕНЕВТИКА СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ ФУНДАМЕНТАЛИЗМ

Уже ранние христиане отдавали себе отчет в необходимости толкования Священного Писания. Известны две крупные раннехристианские школы — Александрийская и Антиохийская. В толковании Священного Писания христиане опирались, с одной стороны, на уже существовавшие иудейские методы интерпретации, особенно связанные с мидрашами и талмудической литературой, а с другой стороны — на античную культуру.

В частности, Александрийская школа, у истоков которой стоят Климент Александрийский и Ориген, основывала экзегезис, толкование Писания, на аллегории. А в античном мире аллегория была широко известна. Она применялась для толкования мифов и, в частности, произведений Гомера. Не надо думать, что древние греки действительно были столь наивными людьми, как изложено у Гомера или в их мифологии. Даже новые исследования говорят о том, что миф — это сложный литературный жанр, который при помощи конкретных образов говорит о вещах, связанных с абстрактными понятиями. Поэтому в античной культуре аллегория получила широчайшее распространение.

Аллегория говорит нам о чем-то ином. Это форма высказывания, которая представляет иную действительность, чем та, которая выражена текстом

Христиане используют аллегория. Аллегория говорит нам о чем-то ином. Это форма высказывания, которая представляет иную действительность, чем та, которая выражена текстом, то есть мы говорим об одном — подразумеваем другое. Но, в отличие от античной аллегии, христиане не выбрасывают исторического смысла повествования. Это важно отметить.

Пример — Ориген, который говорит о трех смыслах Писания, называя их по-гречески. Соматический, телесный смысл, то есть буквальный смысл (σῶμα — с греческого тело). Психический, душевный (ψυχή — душа) — это как бы моральный смысл. И пневматический (πνεῦμα — дух) — это духовный смысл.

В христианской культуре аллегорическая интерпретация получает широчайшее распространение, а на самом деле она уже присутствует отчасти и в самом Новом Завете, в частности, у святого Павла. Типология святого Павла — это тоже, по сути дела, определенный вид аллегии.

Вторая школа — Антиохийская — основывала экзегезис в большей степени на филологии и истории и большее внимание обращала на дословный, буквальный смысл Священного Писания. Восходит она к Лукиану Антиохийскому. В Антиохийской школе подчеркивается типический смысл Священного Писания, а главным герменевтическим принципом является теория (θεωρία), что с греческого буквально означает видение, озарение.

Теория имеет место тогда, когда писатель, размышляя над событиями истории Израиля, видит в них образ события нового — мессианского. Например, в Псалмах, когда говорится о Давиде, имеется в виду также и Христос. То есть теория относится к буквальному смыслу Писания, но на самом деле она одновременно выходит за его рамки, поскольку текст Писания имеет некий мессианский смысл.

Теория имеет место тогда, когда писатель, размышляя над событиями истории Израиля, видит в них образ события нового — мессианского.

В истории получилось так, что преобладать стала аллегорическая интерпретация Священного Писания. И уже к Иоанну Касьяну (V век) восходит теория о так называемых четырех смыслах Священного Писания. *Исторический* смысл — дословный; *аллегорический* или же христологический — что текст говорит о Христе; *тропологический* или моральный — что текст говорит о морали, о нравственности; и *анагогический* или эсхатологический смысл — что текст говорит о будущей действительности в уже эсхатологической перспективе.

В XI веке, в Средневековье, возникает такая красиво по-латыни звучащая формула: «*Littera gesta docet, quid credes allegoria, moralis quid agas, quo tendas anagogia*». То есть: буквальный смысл излагает события, аллегория учит, чему верить, нравственный смысл — что делать, и анагогия — к чему стремиться. Этот принцип используют католические исследователи-богословы. В частности, святой Фома Аквинский, живший в XIII веке, также говорит о смыслах Священного Писания: дословном (историческом) и духовном, или же мистическом, который подразделяет на аллегорический, тропологический и анагогический.

К чему привела такая концепция? К тому, что духовный смысл стал искать везде, даже в мелочах, иногда — совершенно некритично. Пример — слово «Иерусалим». В Священном Писании слово «Иерусалим» может означать конкретный город, и это будет дословный, исторический смысл. Аллегорический смысл — это образ Церкви Христовой. Тропологический — это человеческая душа. И анагогический — это небесный Иерусалим уже в полноте Царствия Небесного. Все это очень красиво звучит, но, наверное, понятно, что далеко не везде, где в Священном Писании встречается слово «Иерусалим», все эти четыре смысла необходимо выискивать. А многие средневековые исследователи именно так и поступали. И в этом как раз великая беда многих средневековых католических богословов.

Реформация начинает защищать дословный смысл Священного Писания, выступая против далеко идущей аллегории и некритического поиска духовного смысла в мелочах и различных деталях.

Реформация начинает защищать дословный смысл Священного Писания, выступая против далеко идущей аллегории и некритического поиска духовного смысла в мелочах и различных деталях. И в этом — ее великая роль, великая роль Лютера.

Я помню, как даже мой ректор в Духовной семинарии, в Польше, когда говорил о Лютере, всегда называл его «*ksiądz Luter*». По-польски называть кого-то «*ksiądz*», ксендзом — значит подчеркивать его священство, причем с точки зрения учения уже Католической Церкви. Кроме того, это еще и элемент уважения. Принцип «*sola Scriptura*» — великая заслуга Лютера. А понятие христоцентризма, которое было у Лютера, стало главным герменевтическим принципом, но не только главным герменевтическим принципом: в какой-то степени оно даже становится принципом каноничности. Отсюда — некий скепсис по отношению к книге Откровения Иоанна Богослова и Посланию Иакова.

Реформация начинает выступать против далеко идущей аллегорической интерпретации Священного Писания, которая господствовала в среде католических богословов. Однако необходимо обратить внимание и на то, что сама Реформация была явлением очень сложным. Различные движения внутри самой Реформации также использовали духовный смысл Священного Писания. Например, антитринитарии или анабаптисты подчеркивали именно духовный смысл.

Католическая Церковь сформулировала каноны во многом благодаря Реформации. На Тридентском Соборе Католическая Церковь говорила о Евангелии, широко понимаемом, и, по сути дела, определила окончательно не только канон Священного Писания, включив в него второканонические книги, которые Реформация отвергала, называя их апокрифами, но Католическая Церковь еще и сформулировала некие герменевтические принципы, связанные с толкованием Писания. А именно, связаны они были с широким пониманием Евангелия — Евангелия, которое проповедовали уже ветхозаветные пророки.

Католическая Церковь сформулировала каноны во многом благодаря Реформации. На Тридентском Соборе Католическая Церковь говорила о Евангелии, широко понимаемом, и, по сути дела, определила окончательно не только канон Священного Писания, включив в него второканонические книги, которые Реформация отвергала, называя их апокрифами, но Католическая Церковь еще и сформулировала некие герменевтические принципы, связанные с толкованием Писания. А именно, связаны они были с широким пониманием Евангелия — Евангелия, которое проповедовали уже ветхозаветные пророки.

Далее в Католической Церкви продолжает развиваться духовная интерпретация Священного Писания, и она сказывается на культуре, в частности, культуре янсенизма. Однако уже наступает другой период, эпоха Просвещения, когда и католики, и Реформированная Церковь встречаются уже с совершенно новыми угрозами, а именно, с натурализмом, атеизмом, рационализмом эпохи Просвещения. Ярчайшим примером исследователей того времени является Реймар. Он, по сути дела, считается родоначальником современной проблемы разделения Иисуса истории и Христа веры.

Профессор ориенталистики Реймар полагал, что Иисус как исторический персонаж не исполнил Своего предназначения. И это выражено в словах Евангелия — на кресте Иисус сказал: «Боже Мой! Боже Мой! Для чего Ты Меня

оставил?» (Мф 27:46). То есть Иисус считал Себя политическим Мессией, и Он был распят. После Его смерти ученики выкрадывают тело Иисуса и распространяют весть о Его воскресении, а Его учение о Царстве переводят уже в духовную плоскость. Это — начало проблематики Иисуса истории и Христа веры, веры послепасхальной общины. Такова эпоха Просвещения.

Весь XIX век был отмечен двумя тенденциями: с одной стороны, протестантским либерализмом, а с другой — попыткой католической церкви отстаивать консервативную позицию. Эта попытка, в конце концов, тоже особым успехом не увенчалась по той простой причине, что археологические открытия, исторические открытия и открытия в области естественных наук заставили Церковь по-новому поставить вопрос о смысле Священного Писания: какую истину оно в себе несет?

Первой серьезной попыткой в этой области со стороны Католической Церкви была энциклика 1893 года *Providentissimus Deus*, которая, по сути дела, уже начинает давать католическим богословам зеленый свет для исследования Священного Писания с помощью историко-критических методов.

Однако Католическая Церковь сталкивается с новой проблемой, которая особо остро начинает проявляться в XX веке. Это проблема модернизма. Проблема, которую многие католические богословы унаследовали от либеральных протестантов, и Церкви Католической приходилось с этим всячески бороться. И окончательно зеленый свет историко-критическим методам исследования Священного Писания Католическая Церковь дала только в 1943 году в энциклике Пия XII *Divino afflante Spiritu*.

Что же получается дальше? С одной стороны, Лютер защищает принцип «*sola Scriptura*» и тем самым подчеркивает необходимость обращения внимания на буквальный смысл Священного Писания. Но с другой стороны, появляется такое искушение — этот буквальный смысл, *littera*, сводить к смыслу буквалистскому, *litteralis*. Документ Папской библейской комиссии, изначально написанный по-французски, именно так различает эти слова.

И отсюда появляется начало библейского фундаментализма. Считается, что начало фундаментализма связано с 1895 годом, с Конгрессом в Ниагаре в штате Нью-Йорк, когда ряд консервативных протестантских деноминаций сформулировали пять принципов фундаментализма. Это, прежде

Весь XIX век был отмечен двумя тенденциями: с одной стороны, протестантским либерализмом, а с другой — попыткой католической церкви отстаивать консервативную позицию.

Считается, что начало фундаментализма связано с 1895 годом, с Конгрессом в Ниагаре в штате Нью-Йорк, когда ряд консервативных протестантских деноминаций сформулировали пять принципов фундаментализма.

всего, вербальная безошибочность Священного Писания, Божество Христа, рождение Христа у Девы, доктрина об искуплении и вера в телесное воскресение мертвых во время Второго Пришествия.

Фундаментализм достаточно быстро распространяется на разных континентах. Как к нему относится Католическая Церковь? В 1993 году, 23 апреля, Папская библейская комиссия издает новый документ, Инструкцию по толкованию Библии в Церкви. Там говорится о разных методах и подходах к толкованию Библии. Метод — более широкое понятие, чем подход. Метод — это совокупность научных исследований, которые применяются для толкования библейского текста. Методов может быть много, но главным методом — и Инструкция об этом тоже упоминает — является историко-критический метод. Он был разработан во многом благодаря протестантским ученым. Главная опасность этого метода заключается в том, что, конечно, возникает искушение свести Священное Писание просто к памятнику культуры, забывая о том, что это — боговдохновенное Слово Божье, то есть исследовать Библию просто как некий литературный памятник, возникший в определенную историческую эпоху.

Но позитив этого метода — это его объективность, а также способность понять глубину послания, исходя из того, что Библия — это Слово Божье, записанное человеческим языком. Это очень важно: Библия не упала с неба, но это Слово Божье, записанное человеческим языком.

Инструкция также говорит о различных подходах к толкованию Священного Писания. Подход, в отличие от метода, более узок. Это исследование Писания с определенной точки зрения. Подходы могут быть разные, даже очень экзотичные, например, психоаналитический подход, феминистский подход — Инструкция упоминает даже об этом.

Откровение — это диалог, диалог Бога с человеком.

Но что Инструкция говорит о фундаментализме? Она называет его не методом, не подходом, а определенной формой самоубийства мысли. Вот, оказывается, какая оценка дана библейскому фундаментализму. Чем это обусловлено?

Обусловлено это ошибочным пониманием Откровения, которое имеет все-таки исторический характер. Откровение — это не монолог человека — тогда это был бы модернизм в чистом виде. Но это и не монолог Бога — это и есть фундаментализм. Откровение — это диалог, диалог Бога с человеком. Бог обращается к человеку при помощи знаков, человек эти знаки прочитывает.

По сути дела, Инструкция сообщает о том, что фундаментализм не учитывает тайны воплощения — воплощения сына Божьего: «И Слово стало плотью» (Ин 1:14). Как во Христе есть две природы — божественная и человеческая, так и в Библии — божественное Слово сливается с человеческим, ибо Слово Божье записано человеческим языком. А конкретный человек жил в определенных исторических и культурных условиях, имел определенный менталитет и писал на определенном языке. Это есть *Sitz im Leben*, то есть место в жизни, в котором возникает библейский текст.

По сути дела, получается, что фундаментализм не учитывает истины о воплощении и теандрического, то есть богочеловеческого характера Слова Божьего. Вот такое достаточно резкое отношение к попытке фундаменталистского прочтения Библии.

Далее Инструкция говорит о том, что фундаментализм может дать верующему человеку некое иллюзорное представление о мире и о том, что Библия прямо, буквалистским образом решит все проблемы человека и даст ответы абсолютно на все вопросы.

Вот такое отношение к библейскому фундаментализму. Важно отметить, что и в протестантских кругах — я имею в виду в широком смысле: и реформатские церкви, и те, что мы называем здесь протестантскими, — и в католических кругах постоянно идет балансирование между двумя этими крайностями, либерализмом и фундаментализмом. С одной стороны, смотреть на Священное Писание как на некий памятник культуры, а с другой стороны — подчеркивать вербальную боговдохновенность Священного Писания, толковать его именно буквалистским образом — даже не буквальным, а именно буквалистским. И Католическая Церковь тоже старается балансировать между двумя этими крайностями. И католические богословы пытаются осознать, что Библия — это Слово Божье, имеющее в себе истину, но Слово Божье, записанное человеческим языком, а человеческий язык не является совершенным.

Какое это имеет значение для всех нас, для собравшихся здесь христиан и, в частности, для нашего межхристианского диалога экуменических отношений? Дело в том, что в любом диалоге очень важно соблюдать некие герменевтические принципы. Священные тексты могут допускать различные толкования. Разные христианские конфессии могут толковать Священное Писание различным образом.

в любом диалоге очень важно соблюдать некие герменевтические принципы.

Возьмем период Реформации. Стоит, кстати, помнить, что в Средневековье термином «*sacra Scriptura*» называлась собственно теология. Это не просто Священное Писание. Слово «теология» употреблялось католическими схоластами неохотно, поскольку слишком силен был его языческий контекст. Католические богословы употребляли разные термины — *fides, articulus fide*, либо *sacra Scriptura* — Священное Писание, хотя на самом деле это была теология, это были их богословские измышления. И многие переводы Священного Писания, возникавшие в период Реформации, — и протестантские, и католические, которые начали тогда появляться — они были очень несовершенны, и часто их целью была защита определенной доктрины, основанной, опять-таки, на определенных библейских текстах.

Теперь стоит отметить, что когда мы пытаемся вести наш экуменический диалог, эти герменевтические принципы должны быть более-менее понятны всем. То есть, с одной стороны, у нас может быть и либерализм — Католическая

Церковь, как вы знаете, имеет сейчас большие проблемы в диалоге с некоторыми протестантскими церквями Западной Европы именно из-за их крайнего либерализма. Но другая крайность — фундаментализм. Фундаментализм, который, по сути дела, ограничивает библейское послание и ограничивает Слово Божье, по существу, ограничивает историческое Откровение просто монологом, определенным монологом. И нам, наверное, стоит помнить, что Священное Писание является также элементом традиции. У нас возникло такое убеждение, которое часто бытует и здесь, в России, что Православная Церковь больше акцентирует Священное Предание Отцов Церкви, Католическая — и Писание, и Предание, а Протестантская — *sola Scriptura*. Что такое *sola Scriptura* — лозунг, который провозгласил Лютер? Над этим тоже следует поразмышлять. Ведь сама по себе *Scriptura* — это тоже элемент Предания, традиции. *Tradicio* — что такое? Это есть традиция. Сама Библия уже является памятником — сама по себе — реинтерпретации текстов, развития традиции. Это видно уже в Ветхом Завете.

Библия, в том числе, является памятником, который сохранился в общении народа Божьего.

Также и Новый Завет формировался как результат некоей традиции. Устная проповедь Христа, проповедь апостолов, редакционная работа евангелистов. Поэтому в широком смысле слова «Писание», само Священное Писание — это тоже элемент великой традиции, которая существует в общении народа Божьего, народа, который живет верой и эту веру передает. И как эту веру народ Божий передает — вот это как раз вопрос, который можно обсуждать, в том числе, на путях межхристианского диалога. Есть народ Божий, и есть его вера — это то, что нас как раз объединяет. И Библия, в том числе, является памятником, который сохранился в общении народа Божьего. Памятником, который нас всех должен объединять. Спасибо за внимание.

Реплика: Вы упомянули несколько раз Инструкцию. Когда она была издана, где?

Докладчик: 23 апреля 1993 года. Инструкция Папской библейской комиссии «О толковании Библии в Церкви».

Реплика: Она есть на русском языке?

Докладчик: Вы знаете, был ее перевод. У меня лично нет ее русского текста, но я могу попытаться найти. Очень давно один из профессоров нашей духовной семинарии в Санкт-Петербурге перевел ее на русский язык. Но английский ее текст есть в интернете, в частности. Все переводы на все европейские языки — английский, французский, итальянский. Папская библейская комиссия, «О толковании Библии в Церкви», 23 апреля 1993 года.

Д. Брауэр: Я хочу поблагодарить сердечно Игоря Ковалевского, потому что вновь стали очевидными многие точки соприкосновения, которые нас объединяют. Мне очень импонирует то, что Вы сказали по вопросу балансирования

между крайним, радикальным либерализмом и фундаментализмом. И ваши слова насчет герменевтических принципов, насчет того, что сначала — Церковь, традиция и община Божья, Христова община, а затем уже — *Scriptura*. Это действительно так. И здесь никакой фундаментализм невозможен, потому что все принципы Реформации — это не *sola Scriptura*. Они все, во-первых, взаимосвязаны, а во-вторых, как я уже сказал, все сливаются в один — *Solus Christus*. Об этом неоднократно говорил и Лютер: первична Весть Христа, первична весть Креста. А *Scriptura* в этом смысле все-таки вторична. Действительно, баланс между крайним, радикальным либерализмом и фундаментализмом — это тоже вопрос революции и Реформации. Поэтому я от всей души благодарю Вас за сказанные Вами слова, которые на самом деле, по-настоящему, нас объединяют.

П. Бегичев: У меня вопрос по поводу того, что вы называете фундаментализмом. Мне показалось, что тут имеет место какой-то такой ярлык — я как человек, учившийся в семинарии, фундаменталист, имеющий богословскую степень и общающийся с современными богословами, которые причисляют себя к фундаменталистам, был немного удивлен определением, которое Вы дали фундаментализму. Мне бы хотелось узнать, на кого Вы ссылаетесь, когда говорите, что учение фундаменталистов о Писании сводится к тому, что Библия есть Божий монолог?

Докладчик: Имеется в виду не фундаментализм в широком смысле этого слова, а фундаментализм как чисто герменевтический принцип. Только это. И главное — это *verbalis* и вербальная боговдохновенность Священного Писания.

Это Инструкция Папской библейской комиссии.

П. Бегичев: А в каком труде, в труде какого богослова отражена вот эта точка зрения, что вербальная теория боговдохновенности Священного Писания представляет собой исключительно Божий монолог? Потому что, насколько я могу судить по общению, по объяснению этого принципа, это совершенно не так.

Докладчик: Это вопрос как раз для дискуссии.

П. Бегичев: Это вопрос и терминологический. Мне кажется, что это вопрос все-таки навешивания ярлыков, потому что фундаментализм, как Вы помните, это понятие появилось после издания известной книги «The Fundamentals», где, собственно, говорилось об историчности чудес, непорочного зачатия и так далее.

Докладчик: Мы, простите, говорим о разных вещах. В свете того, о чем Вы говорите, Католическая Церковь тоже стоит на позициях фундаментализма, потому что она так же отстаивает историчность чудес, непорочное зачатие и т.п.

П. Бегичев: Тогда последний вопрос — просто, чтобы уточнить позицию. Есть ли невербальная теория боговдохновенности, и если есть, то какая?

Докладчик: Католическая Церковь, по крайней мере, в настоящий момент, говорит о боговдохновенности Священного Писания, однако боговдохновенность Писания не стоит сводить к утверждению, что каждое слово в Священном Писании является вербально боговдохновенным. Это уже не вопрос догматов, это вопрос чисто богословской дискуссии. На самом деле, многие католические

богословы до сих пор придерживаются этого принципа. Еще раз подчеркиваю: когда я говорил о фундаментализме, то имел в виду исключительно герменевтический принцип, который выражен в Инструкции папской библейской комиссии.

П. Бегичев: Я понял это, но давайте уточним позиции. А с точки зрения Инструкции — как все-таки происходит боговдохновенность? Боговдохновенность на уровне идеи? Боговдохновенность на уровне интуиции? Как описывает Инструкция сам процесс боговдохновенности?

Докладчик: Это не сама Инструкция, это документы и Тридентского Собора, и Второго Ватиканского Собора, который в этом плане, по сути дела, повторяет Тридентский. «Бог является автором Священного Писания». Вот где смысл боговдохновенности: «*Deus Auctor ...testamenti...*». То есть, Бог — автор обоих Заветов. Это и есть принцип боговдохновенности. Это уже догматический принцип: «Бог — Автор». А как понимать авторство Божие — тут уже начинается богословствование. Что значит Бог — Автор? Если мы исходим из вербального понимания, то получается, что Бог как бы мне диктует, либо водит моей рукой, и я пишу слова.

П. Бегичев: Это же теория диктанта.

Докладчик: Да, теория диктанта. Но Бог — Автор, что же, мы можем понимать авторство Божье и иначе, потому что в классической греческой культуре авторство — не в том плане, что вот он, автор, у которого копирайт, а Бог как Автор, как Создатель богостроительства спасения Нового и Ветхого Заветов. Вот в этом понимании Божье авторство, Бог — как Созидатель домостроительства спасения. То есть авторство понимается в богословском смысле, а не в литературном. Вот где разница. Это, по сути дела, Инструкция и говорит о фундаментализме как принципе. В ней подчеркивается именно то, что фундаментализм на самом деле ассоциируется с Божьим авторством в литературном смысле, а не в богословском, в котором Бог — Создатель богостроительства спасения. Вот где на самом деле разница. То есть здесь речь идет только о герменевтике.

Реплика: Хотелось бы узнать Ваши ощущения в отношении России. Учитывая крайности фундаментализма и либерализма, а также — последствия Реформации, как христиане должны действовать в контексте современного мира, какая задача стоит перед Церковью в России?

Докладчик: В любом случае все проблемы — и это мое глубочайшее убеждение — все проблемы либерализма и фундаментализма внутри христианской культуры, они, прежде всего, связаны как раз с отсутствием понимания во время диалога, с неверной герменевтикой. И по сути дела, может быть, единственное, но очень эффективное лекарство — если использовать естественные средства — это просвещение. Мы, Католическая Церковь, также веруем в сверхъестественное средство, то есть в благодать Божью. Это — сила молитвы, это — Жертва Святой Мессы, как мы это понимаем, это уже элемент нашего вероучения. Однако то, что нас всех объединяет, общее естественное средство — это элемент просвещения. Просветительская работа, которую должны вести представители всех христианских конфессий. Поэтому, как вы,

наверное, знаете, наша Церковь поддержала идею введения в российских школах ОПК — основ православной культуры. Потому что Католическая Церковь, вообще говоря, изначально поддерживает религиозное воспитание фактически везде, во всех странах.

Модератор: Спасибо. Я думаю, мы поблагодарим священника Игоря Ковалевского за его обширный доклад (аплодисменты).